

В незапамятные времена, еще до начала времен, Паньгу в хаосе разделил небо и землю, разделив первозданную муть на две стихии: чистую и мутную. Чистая поднялась и стала небом, мутная опустилась и стала землей. Видя, что они стремятся соединиться вновь, Паньгу встал между ними, упершись головой в небеса, а ногами — в землю. Он рос вместе с ними: каждый день небо становилось выше на чжан, земля — толще на чжан, и сам Паньгу становился выше на чжан. Так прошло сто двадцать девять тысяч шестьсот лет. Небо достигло невероятной высоты, земля — немыслимой глубины, а Паньгу, истощив силы, скончался.

После его смерти позвоночник Паньгу превратился в гору Бучжоу, ставшую осью мира. Его дыхание стало ветром и облаками, голос — громом, левый глаз — ослепительным солнцем, согревающим землю, правый — луной, освещающей ночной небосвод. Волосы стали мириадами звезд, кровь — реками и морями, плоть — плодородными равнинами, кости — горными хребтами, зубы — драгоценными камнями, а паразиты, жившие на его теле, под воздействием ветра превратились в живых существ. Спустя бесчисленные эпохи эволюции сформировался мир Хунхуан.

На бескрайних просторах этого мира, в самом сердце континента, возвышалась гора Бучжоу, пронзающая облака. В девятистах миллионах ли к югу от нее раскинулась священная гора Фэнси. Очертаниями она напоминала расправившего крылья феникса, готового в любой миг взмыть в небеса.

Пики Фэнси терялись в облаках, окутанные призрачной дымкой. Склоны изобиловали редкими цветами и травами, там обитали дикие птицы, а с высот низвергались водопады, разбиваясь о камни мириадами брызг.

Гора была окружена врожденным массивом Инь-Ян, который запирает внутри духовную энергию, создавая плотную завесу тумана. Издали гора казалась окутанной тайной и неясными грезами.

Шли века, сменялись сезоны. В недрах горы зародились двое врожденных божеств с человеческими головами и змеиными телами. Они обладали выдающимся талантом: с момента рождения им были ведомы тайны мироздания, а уровень их совершенствования уже достиг ступени Золотого Бессмертного.

Одну из них звали Нюйва. Ее тонкие, изящные черты лица и сияющие, словно звезды, глаза, казалось, вобрали в себя всю живость и одухотворенность мира. Когда она смотрела на живое существо, в ее взгляде сквозила такая глубокая нежность, что становилось тепло, как от весеннего солнца.

Другого звали Фуси. Высокий, статный, с широким лбом и глубокими, как горные озера, глазами. Над его бровями рос единственный белоснежный волосок. Когда Фуси погружался в раздумья, мудрость в его взгляде становилась столь ослепительной, что невольно хотелось склониться перед ним.

Однажды небо над Фэнси стало прозрачным и лазурным, словно вымытым ключевой водой.

Яркое солнце беспрепятственно заливало землю светом. Лучи пронзали кроны духовных деревьев, разрывая легкий туман, и ложились на долину у подножия горы золотыми столпами. Каждый луч казался пропитанным жизненной силой, каждый ветерок — ласковым прикосновением матери, а земля благоухала ароматами трав и цветов.

В этой тихой долине, насколько хватало глаз, рядами стояли глиняные фигурки. Их было двенадцать тысяч девятьсот шестьдесят. Все они походили на легендарное врожденное тело Дао, исполненные с поразительным мастерством.

Нюйва стояла перед этим множеством. В белых одеждах она казалась эфемерным видением. Она подняла руку, нежную, как бараний жир, и указала пальцем. Ало-красный луч, подобно молнии, сорвался с ее кончика пальца и в одно мгновение коснулся чела каждой фигурки.

В тот же миг двенадцать тысяч девятьсот шестьдесят глиняных изваяний мелко задрожали. Поначалу робко, но вскоре вибрация усилилась. Они напоминали птенцов, пробивающих скорлупу: движения были неуклюжими, но полными решимости вырваться из оков небытия навстречу новой жизни.

Шло время, дыхание жизни становилось все ощутимее. Сначала слабое, оно быстро наполнило долину, словно распускающийся цветок, источающий аромат жизненных сил.

Когда волна жизни улеглась, в мире Хунхуан появилась новая раса — люди. Они были подобны чистым листам бумаги, ожидающим, когда перо судьбы начертает на них легенды.

Фуси и Нюйва, стоя плечом к плечу, с любовью смотрели на созданных ими людей. Тела их, словно из чистейшего нефрита, сияли на солнце, кожа казалась нежной, как тающее масло, а глаза, подобные глубоким омутам, светились разумом и чистотой. Когда они заговорили, их голоса, похожие на щебет иволги, зазвучали, словно небесная музыка.

Эти первые люди, словно юные божества, дышали такой невинностью, что на них невозможно было смотреть без умиления.

Нюйва обвела взглядом своих созданий, запоминая каждое лицо. Затем она вскинула голову, и ее величественный голос, подобно грому, прорезал тишину мира Хунхуан, разносясь над всеми живыми существами:

— Я, Нюйва, сегодня на горе Фэнси создала расу. Имя ей — люди.

С появлением человечества мир содрогнулся. С небес низверглись потоки божественного сияния, золотой свет ослеплял. Драконьи рыки и крики фениксов слились в единый хор, а с востока хлынул поток фиолетовых облаков, протянувшийся на сотни тысяч ли.

На земле духовная энергия обрела форму, повсюду зацвели золотые лотосы, распустились

цветы, и воздух наполнился ароматом жизни.

Пока все существа Хунхуана пребывали в оцепенении от увиденного, в небесах снова прозвучал ясный, как журчание ручья, голос:

— Я, Нюйва, сегодня на горе Фэнси познала Дао и стала Святой. Через тысячу лет я вознесусь за пределы небес, чтобы в хаосе создать небеса Вахуан.

В девятистах миллионах ли к северо-западу от горы Бучжоу, на вершине гор Куньлунь, высились три величественных дворца. Один, цвета меди, — дворец Бацзин; другой, белый, как нефрит, — дворец Юйсюй; третий, цвета зеленой меди, — дворец Бию.

На облачных помостах внутри дворцов восседали три фигуры. Они открыли глаза, и в их взглядах, пронзающих пространство, читались глубокая мудрость и непререкаемое величие.

Юаньши Тяньцзунь нахмурился, его лицо исказилось от досады. Он не выдержал и воскликнул, голос его прозвучал подобно удару колокола:

— Мы, трое из Саньцина, — воплощения Изначального духа Паньгу и прямые ученики учителя Хунцзюня. Почему же Нюйва смогла познать Дао и стать Святой раньше нас?

Юаньши сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Мы потратили бесчисленные эры на упорные тренировки, подавляли желания, стремились лишь к высшему Дао. Почему же она оказалась впереди? Разве наш талант уступает ее? Разве наша основа слабее?

Сидевший справа от него мастер Тунтянь молчал. Его взгляд, подобный молнии, горел внутренним огнем, но он не проронил ни слова, погруженный в собственные мысли.

Лао-цзы, сидевший в центре, сохранял невозмутимость. Он медленно поднял голову и произнес спокойным, но исполненным силы голосом:

— Совершенствуйтесь.

Эти три слова, словно эхо, зазвучали в пустом дворце. Они были адресованы и разгневанному Юаньши, и каждому присутствующему: в этом непредсказуемом мире лишь упорное совершенствование ведет к истинному Дао.

<http://bllate.org/book/18513/1779527>